

В КОНЦЕ тридцатых годов жила в самом центре Москвы, на улице Воровского, бывшей (и нынешней) Поварской, преклонных лет женщина. Время от времени к ней заглядывали разные ученые мужи, расспрашивали о былом — в основном о Чехове, — и раз один из них сокрушенно обмолвился: «Вообразите, сколько мы ни роемся, но не находим женщины в жизни Антона Павловича. Нет любви. Серьезной любви нет».

Хозяйка промолчала. Ничего не ответила хозяйка, а когда гости ушли, надолго задумалась. Потом достала обветшалую, школьного формата «общую» тетрадь, медленно перевернула несколько страниц и записала на полях — так просто, почти машинально — слова ученого мужа: «Вообразите, сколько мы ни роемся...».

Почему на полях? А потому что тетрадь была сплошь исписана. На многих страницах рассказывалась история любви — целая, по существу, повесть, которая так и называлась: «О любви» — совсем как у Чехова. И главным героем был тоже Чехов.

«Когда я писала ее? — спросила женщина у самой себя. И сама же себе ответила: — Давно».

Этот ее вопрос и этот ее ответ тоже остались на полях тетради. Так с некоторых пор и беседовала сама с собой. С собой да с этой своей тетрадью... На верном пути были литературные шерлоки холмсы, но им все же не приходило в голову, что малоподвижная, изуродованная болезнью хозяйка полутемной комнаты на пятом этаже и есть, может быть, та самая чудесная незнакомка, которую они тщетно ищут.

Итак, Чехов — герой повести, причем повести, судя по всему, документальной: фигурируют названия чеховских произведений, цитируются подлинные чеховские письма. Вот, правда, в конце одного из них стоит почему-то: «Алехин».

Алехин? Это еще кто такой? Откуда?

Из рассказа «О любви» — Антон Павлович, стало быть, подписался фамилией своего героя. Письмо это опубликовано в десятом томе последнего академического собрания Чехова, но опубликовано не по рукописи — рукопись утеряна, — а по той самой «общей» тетради, на полях которой старая женщина делала в конце тридцатых годов свои пометы.

Письмо «Алехина» было адресовано ей, и она включила его в свое документальное повествование. То был ответ писателя на коротенькую весточку, в которой она поздравляла Чехова с законным браком. А далее, пожелав счастья, спрашивала: «Была ли наша любовь настоящей любовью? Но какая бы она была, настоящая или воображаемая, как я благодарю вас за нее! Из-за нее вся моя молодость точно обрызгана душистой росой». И подписалась, но не своим именем, а именем героини рассказа «О любви»: Анна Алексеевна Луганович.

Она узнала себя в этой описанной Чеховым женщине сразу же, как появился рассказ, и даже отчитала автора. А потом в той самой «общей» тетради изложила свою версию событий.

ЛИДИЯ Алексеевна Авилова — так звали хозяйку тетради — познакомилась с Чеховым в январе 1889 года в доме издателя «Петербургской газеты» С. Н. Худекова. Была она постарше героини будущего рассказа — ей уже исполнилось двадцать пять, но, может, Антон Павлович просто запомнил? Или сказалась безукоризненная чеховская галантность?

Авилова знала чуть ли не наизусть рассказы знаменитого писателя, приехавшего в Петербург для постановки «Иванова», поэтому удивительно ли, что не спускала с него глаз и запомнила мельчайшие подробности. А писатель? «Я сразу почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые умные глаза я видел уже когда-то в детстве».

Так говорит в рассказе Павел Константинович Алехин. А вот что, припоминает Лидия Алексеевна, сказал ей, когда пути их снова пересеклись, Антон Павлович Чехов: «...не кажется ли вам, что, когда мы встретились с вами три года назад, мы не познакомились, а нашли друг

друга после долгой разлуки?»

Стало быть, не только она запомнила все, но и он тоже, вплоть до возраста ребенка, которого молодая мать кормила тогда грудью. «...За полгода до того у нее родился первый ребенок», — роняет Алехин.

Ко времени второй встречи с Чеховым их у нее было уже трое. Тем не менее выкраивала время для литературного творчества — писала рассказы, которые Чехов с пристрастием читал, а один — «Забывшие письма» — расхвалил чрезвычайно.

«Мы не признавались друг другу в нашей любви», — говорит Алехин, и это правда: Алехин не признавался, но автор, в отличие от своего героя, однажды произнес: «Я любил вас». И прибавил: «Мне казалось, что нет другой женщины на свете, которую я мог бы так любить».

В «общей» тетради слова эти зафиксированы, однако обратите внимание на прошедшее время: я любил, мне казалось... Разве это объяснение в любви? Нет, это воспоминание о любви. Воспоминание...

Уроки любви

БРЕЛОК И МАСКА

Кто скрывался за ними? Чехов угадал...

Шесть лет минуло после их знакомства в доме издателя «Петербургской газеты», в жизни Чехова появилась Другая Лидия — Лика Мизинова, — появилась и ушла, и вот теперь Чехов негромко говорит в тишине заснувшего дома: «Я вас любил и думал только о вас». А время, время-то прошедшее!

Хозяйка странным образом не замечает этого. «Он сидел на диване, откинувшись головой на спинку; я — против него на кресле. Наши колена почти соприкасались. Говорил он тихо, почти гудел своим чудесным басом, а лицо у него было строгое, глаза смотрели холодно и требовательно».

Пройдет еще два года, и Чехов обмолвится в одном из писем, что умеет «писать только по воспоминаниям». Но, может, это относится и к любви? Может, и любить умел «только по воспоминаниям»?

«Я вас любил, — продолжал Чехов уже совсем гневно и глядя мне в лицо. — Но я знал, что вы не такая, как многие женщины, что вас любить можно только чисто и свято на всю жизнь». Я боялся коснуться вас, чтобы не оскорбить. Знали ли вы это?»

Что можно ответить на такое! Чехов встает и уходит, она окликает его на лестнице. Приостановившись, он поднимает голову, ждет. Женщина не в силах произнести ни слова.

Но ведь не обязательно вслух произносить — существует множество других способов сказать о том, что чувствуешь, и некоторое время спустя автор «Забывших писем» такой способ находит. Перечитывая чеховский рассказ «Соседи», эту «маленькую любовную историю», как определяет его автор, она, точно споткнувшись, задерживает взгляд на фразе: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Авилова перечитывает эти строки — раз, другой, потом берет перо и торопливо выписывает их на листок бумаги. Рядом ставит номер страницы — 267-я и — какая по счету строка. Быстро одевается и с пылающим лицом едет по февральскому морозу в ювелирный магазин.

Там долго не могут взять в толк, что угодно даме. Брелок! Ей брелок угодно, в виде книги — да-да, в виде книги! — с надписью на лицевой стороне: «Повести и рассказы. Соч. Ан. Чехова», а на обратной: страница 267-я, строка такая-то...

Через несколько дней брелок готов. В тот же день Лидия Алексеевна отсылает его в Москву брату с подробной инструкцией: отнести в редакцию «Русской мысли» для передачи Антону Чехову. Отнести и оставить, ничего не объясняя! Никаких не называя имен!

Когда-то он советовал ей

описать свою жизнь, но она поступила иначе: она эту самую жизнь ему предложила.

АНТОН Павлович хранил молчание. Понял ли он, кто сделал ему столь необычный подарок? Ведь она даже вырезала в картонном футляре петербургский адрес ювелирного магазина — «чтобы не было явного признания, чтобы все-таки оставалось сомнение для него, а для меня — возможность отступления».

«Явного признания» не было, было признание инкогнито, признание, так сказать, «в маске». И опять-таки в маске, но уже не в фигуральной, а самой что ни на есть всамделишной появилась она год спустя в разукрашенном по случаю масленицы театре.

И вдруг — Чехов! Для нее это было полнейшей неожиданностью — не знала даже, что он в Петербурге! — но справилась с волнением и решительно подошла.

«Как я рада тебя видеть!»

она, — это еще не то, что было ей обещано в маскарде — «Я тебе отвечу со сцены», — то зашифровано в цифрах, дважды и со значением повторенных Тригорин: «Страница 121, строки 11 и 12».

Дома, оставшись одна, сразу схватила чеховский томик, раскрывала, отсчитала дрожащими пальцами строки. Бессмыслица какая-то... И тут ее осенило: коли она сослалась в медальоне на его сочинение, то Чехов, по всей видимости, отплатил ей тем же. Быстро отыскала на полке собственную книгу — книга называлась «Счастливец» — и прочла в указанном со сцены месте: «Молодым девицам быть в маскардах не полагается».

«Вот это был ответ!» — запищала Лидия Алексеевна спустя много лет в «общей» тетради. — Ответ на многое: на то, кто прислал брелок, кто была маска. Все он угадал, все знал».

КОГДА, после смерти Чехова, к ней вернулись все ее многочисленные письма к нему, она, по собственным ее словам, «не перечитывая... бросила их в печку» — ни одного не осталось...

Это автор писем так думала: ни одного; это думала так сестра и душеприказчица писателя Мария Павловна, которая своими руками отдала ей перевязанную лентой «авиловскую» стопочку — в конце каждого года Чехов раскладывал по адресатам свою многочисленную корреспонденцию. Но до конца 1904 года не дожид — три последних авиловских письма попасть в ее именную стопочку не успели.

О том, что они сохранились, Лидия Алексеевна даже не подозревала: их впервые опубликовали через сорок лет после ее смерти, в 1984 году. «Я бы очень хотела видеть Вас, рассказать Вам и многое снять с себя... Я все боялась, что я умру и не успею сказать Вам, что я Вас всегда глубоко уважала, считала лучшим из людей».

Она боялась, что умрет и не успеет «сказать», а умер он. Но сказать успел: «...будьте веселы, смотрите на жизнь не так замысловато; вероятно, на самом деле она гораздо проще».

Это последнее письмо Чехова Лидии Авиловой, письмо-завешание. Написано оно за несколько месяцев до смерти и — спустя много лет после их последней встречи.

Встреча эта произошла на вокзале: она уезжала, он провожал. «Послышался звонок, и Антон Павлович встал... Я вышла за ним. Он вдруг обернулся и взглянул на меня строго, холодно, почти сердито».

Почему? Только ли потому, что она отказалась задержаться на денек в Москве, чтобы посмотреть в Художественном театре «Чайку»? В тот вечер ее играли специально для автора. «Посторонней публики не будет. Оставайтесь до завтра... Мне очень хотелось, чтобы вы видели «Чайку» вместе со мной. Неужели нельзя как-нибудь устроить?»

«Устроить» было нельзя: дети, няня, томящаяся в Петербурге муж... «Она думала о муже, о детях... Если бы она отдалась своему чувству, то пришлось бы лгать или говорить правду, а в ее положении то и другое было бы одинаково страшно и неудобно». Это размышляет Алехин, герой рассказа «О любви».

КАК ЖЕ повесть «О любви»? Повесть так и осталась в «общей» тетради, но стала своего рода черновиком для воспоминаний Авиловой. Прочитав в 1947 году их первое издание, Бунин записал: «В ней было все очаровательно: голос, некоторая застенчивость, взгляд чудесных серо-голубых глаз...» Бунин хорошо знал Авилу — знал и верил каждому ее слову: «Лидия Алексеевна была необыкновенно правдива».

О существовании «общей» тетради Бунин понятия не имел. И уж тем более не знал о словах ученого мужа, которые записала на ее полях старая женщина: «Вообразите, сколько мы ни роемся, но не находим женщины в жизни Антона Павловича. Нет любви. Серьезной любви нет». Сам Бунин тоже думал когда-то, что «Чехов никогда не испытал большого чувства», но теперь... «Теперь же я твердо скажу: испытал! Испытал к Лидии Алексеевне Авиле».

РУСЛАН КИРЕЕВ.